

ПОЪЗДКА ВЪ ПЕРСІЮ

въ 1863 году.

(Окончаніе.) (*)

III.

ВЪЪЗДЪ ВЪ ТЕГЕРАНЪ. — ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ШАХУ.

Вставши ранѣе обыкновеннаго, мы съ особеннымъ удовольствіемъ отправились въ путь. Дорога незамѣтно спускается; верстъ за восемь до Тегерана показываются городскіе сады и мечеть, вершина которой обита мѣдью и въ ясный день далеко видна съ дороги. За пять верстъ до города встрѣтило миссію торговое сословіе русскихъ подданныхъ, подъ предводительствомъ Таджаръ-баши, который представилъ всѣхъ ихъ генералу Минкивицу и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Въ трехъ верстахъ ожидала насъ церемоніальная встрѣча, подъ начальствомъ сартина 1-го класса Миръ-Пенужъ-Мустафа-Кули-хана-Кара-Геэгіу, отъ имени шаха; адъютантъ министра иностранныхъ дѣлъ Али-Акберъ-ханъ, отъ имени своего начальника; полицеймейстеръ города со штатомъ полиціи; помощникъ шталмейстера, съ десятью заводными лошадьми съ шахской конюшни, въ богатыхъ покрывалахъ и золоченыхъ сбруяхъ; гвардейская сотня (эскадронъ) уланъ, подъ командою маіора. Солдаты были одѣты въ казакины изъ толстаго синяго сукна, съ красными отворотами; такого же сукна рейтузы, съ двойными красными лампасами; черная баранья шапка съ мѣднымъ гербомъ, на которомъ изображены левъ и солнце; съ тыла, отъ дна шапки, идетъ красный шнуръ, обвивающійся около шеи; широкій черный поясъ и спереди мѣдная пряжка; красныя со значками пики, наподобіе нашихъ; кавалерійская сабля; лошади разношерстные. Были еще: другая сотня ирегулярной кавалеріи, 20 пѣшихъ шахскихъ феррашей въ красныхъ кафтанахъ, шесть осо-

---

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 11.

баго рода полицейскихъ (рико) въ зеленыхъ и синихъ джуббе, въ красныхъ шапкахъ, на которыхъ кругомъ идутъ три ряда висточекъ; наверху торчитъ пучокъ изъ кистей съ мѣдными погремушками. Ихъ обязанность смотрѣть за чистотой въ городѣ, но употребляются они и во всѣхъ процесіяхъ. Было также еще нѣсколько шатырь (сороходовъ).

Вблизи города есть ипподромъ, съ павильономъ для шаха. Здѣсь насъ ожидало восточное угощеніе: въ большой комнатѣ накрытъ былъ столъ, на которомъ въ четыре ряда стояли тридцать стеклянныхъ кувшиновъ съ букетами изъ свѣжихъ розъ, бархотокъ и другихъ цвѣтовъ, а между ними двадцать тарелокъ китайскаго фарфора, съ отборными конфектами. Вдоль стѣнъ были разставлены кресла. Послѣ обычнаго привѣтствія и поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ, подали кофе, чай и кальяны. Прислуга вся была собственная его величества шаха.

Въѣздъ нашъ въ столицу Персіи происходилъ слѣдующимъ порядкомъ: впереди слѣдовала кавалерія по два въ рядъ; за нею вели едековъ; потомъ шли ферраши, рико и сороходы; далѣе насакчи-баши и джелавдаръ въ красныхъ плащахъ: послѣдній имѣлъ на плечѣ попону съ лошади, на которой ѣхалъ генералъ Минквицъ. У крѣпостныхъ воротъ выстроены были почетный караулъ изъ 100 человекъ сарбазовъ, подъ командою штабъ-офицера, съ хоромъ музыкантовъ. Въ полуверстѣ отъ воротъ, близъ городской стѣны, находится богатый мѣтній дворецъ Низаміе, который, по приказанію шаха, былъ назначенъ для временнаго помѣщенія миссіи. У дворцовыхъ воротъ также стоялъ караулъ и команда казаковъ, состоящая при нашей миссіи. Въ домѣ встрѣтили генерала повѣренный нашъ въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ, г. Бартоломей, съ чиновниками, двое мустафиевъ (статсъ-секретарей): мирза-Шефи и мирза-Гасанъ, главный директоръ министерства иностранныхъ дѣлъ, мирза-Магоммедъ, и чиновники иностранныхъ миссій: англійской, французской и турецкой. Всѣ они были въ полной парадной формѣ. Въ пять часовъ пріѣхалъ генералъ-адъютантъ шаха Ягья-ханъ поздравить насъ отъ имени его величества съ благополучнымъ прибытіемъ въ Тегеранъ.

Низаміе построенъ бывшимъ первымъ министромъ Садръ-Азамомъ-мирза-ага-ханомъ, который теперь въ немилости и живетъ въ Испагани; домъ же и всѣ его имѣнія, какъ достав-

шлеса ему не по наслѣдству, а прибрѣтенные на службѣ, конфискованы и поступили въ пользу шаха. Низаміе — квадратное одноэтажное зданіе, по срединѣ котораго выложенный плитамъ бассейнъ проточной воды; съ двухъ сторонъ двѣтники; позади дома большой садъ, за стѣной направо другой; по срединѣ сада двухэтажный красивый кіоскъ, у котораго два бассейна; отсюда къ восточной стѣнѣ сада идутъ двѣ ален; по срединѣ ихъ водопадъ съ фонтанами. У стѣны большой резервуаръ съ фонтаномъ, а позади его большой двухэтажный домъ, въ которомъ наверху роскошная зала: потолокъ и половина стѣнъ зеркальные; на трехъ стѣнахъ нарисованы во весь ростъ портреты принцевъ и придворныхъ, между которыми находятся г. Лаговскій и графъ Гобино: первый бывший нашъ повѣренный въ дѣлахъ, а второй французскій посланникъ. На сѣверной стѣнѣ портретъ шаха, сидящаго на тронѣ; по бокамъ его сыновья, племянники и первый министръ; затѣмъ, на восточной и южной, портреты братьевъ, дядей, принцевъ крови, министровъ, всѣхъ придворныхъ, главныхъ правителей провинцій и городовъ. Портреты имѣютъ большое сходство съ оригиналами. Всѣ писаны извѣстными художниками.

Постройка этого загороднаго дворца, съ землею и садомъ, обошлась въ 80,000 тумановъ (около 240 т. р.).

Теперь бросимъ общій взглядъ на пройденный нами путь. Въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году дорога отъ Аракса до Тегерана удобопроходима, въ остальное же время весьма затруднительна: переходъ чрезъ ущелье Дер-Дизъ, равнины Уджанъ и Султаніе становится опаснымъ, по причинѣ частыхъ жиделей, когда дорогу только можно узнать по узкой тропинкѣ, по которой слѣдуютъ караваны. Тропинка эта иногда портится до того, что принимаетъ видъ ступеней, и почти непроходима какъ для лошадей, такъ и для пѣшеходовъ. Въ концѣ февраля препятствія эти увеличиваются: таетъ снѣгъ, грязь дѣлается ужасная, рѣки разливаются, и бурливый потокъ показывается тамъ, гдѣ путь въ лѣтнее время даже не подозрѣвалъ капли воды. Но, благодаря сухости климата и почвѣ земли, которая очень скоро всасываетъ въ себя воду, около половины апрѣля уже сухо; за то пылъ—вѣчная стихія Персіи — подымается столбомъ. Климатъ въ этой части Персіи вообще здоровый, исключая болотистыхъ окрестностей Уджана, Міяны и Тегерана, гдѣ лѣтомъ почти нельзя жить. Къ сча-

стію столичныхъ жителей, въ шести верстахъ къ сѣверу отъ Тегерана находится предгоріе Альбурза, гдѣ воздухъ чистъ и жары умѣренны.

20-го, въ субботу, назначено было въ полдень представле- ніе шаху, по установленному заранѣ церемоніалу. За часъ до приѣма прибылъ въ Низаміе помощникъ оберъ-церемоній-мейстера, Магомедъ - Гасанъ - ханъ, съ двумя помощниками оберъ - шталмейстера феррашъ-башиа (начальникъ дворцовой прислуги) и шатырь-башиа (начальникъ скороходовъ) съ прислугой, въ придворной четырехмѣстной каретѣ, работы Тулякова, запряженной четырьмя лошадьми, съ двумя вѣдо-выми въ красныхъ кафтанахъ и такихъ же шапочкахъ. У воротъ, при вѣздѣ въ городъ, поставленъ былъ почетный караулъ. Улица, идущая отъ городскихъ воротъ, шириною въ пять аршинъ, прямая и вымощена булыжникомъ; по обѣ сто-роны ея тротуары. Она тянется до самой площади „Майданы-Тулъ“, съ которой, чрезъ главные ворота, мы вышли на не-большой дворикъ, гдѣ въ „кешикъ-хане“ (приемная комната церемоніймейстера) встрѣтили насъ повѣренный въ дѣлахъ, съ чинами миссіи нашей въ Тегеранѣ, церемоніймейстеръ Ма-гомедъ-Ибрагимъ-ханъ, бывший чрезвычайный посланникъ при нашемъ дворѣ мирза-Каофаэсъ-ханъ, сартинъ 1-го класса Му-стафа-Кули-ханъ, курисавуль-баши (оберъ-камергеръ), Шах-базъ-ханъ, генераль-адъютантъ Ягъя-ханъ, адъютантъ министра иностранныхъ дѣлъ Али-Авберъ-ханъ. Послѣ обычныхъ и не-пзмѣнныхъ привѣтствій, поздравленій и угощеній, дали знать, что пора къ шаху. По церемоніалу слѣдовали впереди Шах-базъ-ханъ и Ягъя-ханъ; за ними миссіа. Пройдя крытый коридоръ, мы вышли въ большой квадратный садъ, располо-женный совершенно по-европейски, съ прямыми дорожками; въ немъ три большихъ бассейна, клумбы съ цвѣтами, платаны, ели, кипарисы и фруктовыя деревья; стѣны сада разукраше-ны живописью.

Отсюда мы вступили во дворецъ; налѣво отъ входа боль-шая зала; направо двѣ комнаты, изъ которыхъ въ первой большой тронъ. Насъ привели во вторую, гдѣ были откры-ты окна въ садъ, чрезъ которыя издали можно было видѣть шаха. Передъ входомъ на лѣстницу, въ алеѣ, стояли при-дворные чины. Здѣсь всѣ остановились и поклонились; затѣмъ Шабхазъ-ханъ произнесъ громко, что генераль-лейте-

нантъ Минквицъ присланъ къ его величеству отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя - намістника кавказскаго съ письмомъ для врученія его величеству. Тогда шахъ подавъ знакъ рукой. Мы вошли. Въ аудіенцъ-залу ведетъ небольшая лѣстница изъ голубаго кирпича, съ площадкой, съ которой входъ чрезъ низкія мозаическія двери съ драпировкой. Зала довольно большая; при входѣ налѣво рѣшетчатая стѣна изъ цвѣтныхъ стеколъ съ поднятыми рамами; на супротивъ вся стѣна разрисована цвѣтами и золотыми виньетками; возлѣ нея золотой тронъ, усыпанный сверху донизу драгоценными каменьями; направо стеклянный полукруглый выступъ, выходящій въ другой садъ. Потолокъ весь разрисованъ красками всевозможныхъ цвѣтовъ; полъ устланъ дорогими коврами; направо отъ трона, на полу, прислоненный къ стѣнѣ портретъ прусскаго короля; кромѣ того портретъ императора и императрицы французовъ и нѣсколько старинныхъ картинъ; въ нишахъ два маленькихъ золотыхъ столика, съ корзинками цвѣтовъ, глобусъ, нѣсколько журналовъ и газетъ французскихъ. Кругомъ золотыя кресла, съ вышитыми шелкомъ подушками, а нѣкоторыя обтянуты малиновымъ бархатомъ; на потолкѣ семь хрустальныхъ большихъ люстръ. У трона стоялъ его величество Насръ-Эдинъ, мужчина лѣтъ 35-ти, высокаго роста, полный, глаза выразительно-строги, маленькая борода и большіе усы. Онъ одѣтъ былъ въ темно-синій кафтанъ, на которомъ воротникъ, грудь и обшлага вышиты крупнымъ жемчугомъ; подъ кафтаномъ синяго же бархата архалукъ съ бриліантовыми пуговицами, подпоясанный жемчужнымъ поясомъ, съ пряжкой по срединѣ, на которой обдѣланъ необыкновенной величины рубинъ, осыпанный бриліантами; на шеѣ цвѣтной шелковый платокъ; шаровары темносиняго сукна, бѣлые чулки и шерстяныя темныя перчатки; на головѣ суконная шапка, спереди которой вѣтка изъ бриліантовъ и пукъ страусовыхъ перьевъ, розоваго цвѣта, съ синимъ отливомъ. Налѣво отъ шаха, въ отдаленіи, стояли четыре принца: первый Али-Кули-мурза, сынъ Феть-Али-шаха, и три сына Аббасъ-мирзы: Ферхатъ-мирза, Ахмедъ-мирза и Лутѣулла-мирза, и потомъ министръ иностранныхъ дѣлъ, мирза Сеидъ-ханъ; у дверей же остановились Ягья-ханъ и три флигель-адъютанта. При входѣ въ залу всѣ поклонились; посрединѣ генералъ Минквичъ остановился, имѣя по правую

сторону барона Винспира, который держалъ, въ парчевомъ съ кистями конвертѣ, письмо Его Императорскаго Высочества намѣстника кавказскаго; подлѣ него г. Графъ; по лѣвой сторонѣ повѣренный въ дѣлахъ, г. Бартоломей, съ чиновниками миссіи, а позади всѣ мы. Г. Бартоломей представилъ его величеству генерала, послѣ чего генералъ, поклонившись, сказалъ: „По порученію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, имѣю счастье извѣстить ваше величество о вступленіи Его Высочества въ командованіе кавказскою арміею и въ высшее управленіе російскими владѣніями на Кавказѣ и за Кавказомъ, съ титуломъ намѣстника Его Величества Императора Всероссийскаго.“

„Задушевное желаніе Его Высочества есть преуспѣваніе дружбы между Россіей и Персіей, единодушіе между двумя сосѣдними правительствами и искреннее пожеланіе всевозможныхъ благъ покорнымъ державамъ вашей народамъ и владѣніямъ, ибо въ заботливости о счастіи, покоѣ и благоденствіи ихъ горячо сочувствуетъ вашему величеству августѣйшій Государь Императоръ Всероссийскій. Имѣю счастье представить вашему шахскому величеству письмо отъ Великаго Князя, намѣстника кавказскаго.“

Г. Графъ переводилъ слова генерала Минквица на персидскій языкъ. Минуту спустя, шахъ громко и ясно сказалъ: „Давно уже мы имѣемъ извѣстіе о назначеніи Его Императорскаго Высочества главнокомандующимъ кавказскою арміею и намѣстникомъ Государя Императора. Искренно порадовались мы этой вѣстью, такъ какъ нѣтъ сомнѣній, что присутствіе въ сопредѣльномъ съ владѣніями нашими краѣ Брата Государя Императора болѣе и вѣрнѣе можетъ упрочить давно уже существующія дружбу и добрыя отношенія между двумя сосѣдними государствами, и такимъ образомъ осуществится всегдашнее искреннее желаніе наше видѣть эти отношенія на степени полнаго совершенства.“

Затѣмъ шахъ приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ принять письмо, который взялъ его въ руки, потомъ приложилъ къ головѣ и такъ держалъ во все время аудіенціи. Обратясь къ г. Бартоломею и къ генералу Минквицу, шахъ спросилъ о здоровьи Государя Императора и Великаго Князя-намѣстника, а также возвратился ли въ Петербургъ Его Императорское Величество изъ Крыма; освѣдомился, какъ совершилъ

генераль путешествіе свое отъ Аракса до Тегерана и былъ ли доволенъ всѣмъ для него приготовленнымъ. „Не знаю, помните ли вы меня, генераль — прибавилъ шахъ — а я помню, что вы уже представлялись мнѣ одинъ разъ. Живъ ли и гдѣ находится генераль-лейтенантъ Шилингъ, имѣвшій въ 1848 году порученіе поздравить меня, отъ имени Государя Императора, со вступленіемъ на престолъ?“

Генераль Минквицъ благодарилъ его шахское величество за милостивую память, за радушный пріемъ и вниманіе, оказанныя миссіи по всему пути, отъ границы до Тегерана, и затѣмъ просилъ позволенія представить его величеству полковника Понсе и поименно каждаго изъ чиновъ, составлявшихъ свиту. При этомъ шахъ особенно благосклонно спрашивалъ г. Графа о службѣ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Тегеранъ.

Въ заключеніе шахъ спросилъ г. Бартоломея: какія получены извѣстія о путешествіи чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, г. Гирса? все ли приготовлено и высланы ли экипажи? Въ началѣ аудіенціи выраженіе лица шаха было серьезно и строго, но потомъ появились улыбка и любопытный взглядъ, въ особенности при вопросахъ о Великомъ Князѣ-намѣстникѣ. Вообще мы замѣтили желаніе шаха поселить въ насъ пріятное впечатлѣніе и увѣренность въ благосклонности его къ намъ.

Испросивъ позволенія удалиться, всѣ мы вышли не обращаясь и, сойдя въ садъ, два раза останавливались для поклонна. Пока мы шли садомъ, шахъ все время стоялъ у окна.

Откланявшись его шахскому величеству, всѣ отправились къ министру Сеидъ-хану въ кабинетъ, который находился на второмъ дворѣ дворца, въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ.

На другой день, 24 го числа, Сеидъ-ханъ отдалъ визитъ. Послѣ него пріѣзжали англійскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, Алесонъ, французскій повѣренный въ дѣлахъ, графъ Рошемуаръ, и турецкій повѣренный въ дѣлахъ, Измаиль-эфенди, со всѣми чиновниками, въ полной парадной формѣ. 25-го числа генераль Минквицъ, со всей свитой, отдалъ визиты англійскому посланнику и повѣренному въ дѣлахъ французскому и турецкому. Погода все это время стояла отвратительная: каждый день то снѣгъ, то дождь, отчего во улицамъ и за городомъ образовалась страшная грязь.

27-го ноября шахъ пожелалъ, чтобы наши фотографы сняли съ него портретъ, и потому г. Графъ и я съ фотографами отправились, въ десять часовъ, во дворецъ. Въ главномъ зданіи, подлѣ зимняго сада, въ нижнемъ этажѣ устроена была превосходная лабораторія, наполненная всѣми необходимыми аппаратами и матеріалами, разставленными въ нишахъ въ систематическомъ порядкѣ. На полу стояли разныхъ величинъ стекла и рамки; рядомъ была темная комната, обитая чернымъ сукномъ. Когда все было готово, то, по докладѣ шаху, въ половинѣ двѣнадцатаго онъ вышелъ къ намъ въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ принималъ миссію. Первый портретъ удался превосходно, и когда показали шаху негативъ, онъ остался весьма доволенъ и приказалъ снять съ себя еще одинъ портретъ, въ другомъ мундирѣ и въ шапкѣ съ бриліантами и перьями. Шахъ пожелалъ самъ видѣть процессъ приготовленій портрета и вошелъ въ темную комнату, гдѣ фотографъ Кондратенко приготовлялъ стекла. Я былъ переводчикомъ въ разговорѣ шаха съ фотографомъ. Шахъ съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми манипуляціями и называлъ самъ многіе составы, но удивлялся, почему онъ ни у кого не видалъ такихъ хорошихъ негативовъ.

При итальянскомъ посольствѣ былъ фотографъ, но всѣ его рисунки выходили очень неудачны. Въ Тегеранѣ есть еще другой фотографъ, г. Карлеянъ, который хотя и давно уже занимается тамъ фотографіей, однако не успѣлъ еще довести своего искусства до надлежащаго совершенства. По снятіи втораго портрета, неуступавшаго въ сходствѣ первому, шахъ пожелалъ снять третій, въ шалевомъ архалукѣ, и затѣмъ снова вошелъ въ темную комнату, желая видѣть проявленія портрета, но, не дождавшись, вышелъ, отчего чрезъ двери попалъ свѣтъ и негативъ испортился. Шахъ просилъ еще снять группу съ Ягьяхана и четырехъ своихъ пишъ-хедметовъ (главныхъ камерди-неровъ). Всѣ они молодые люди лучшихъ фамилій. Одному изъ нихъ, ага-Риза, фотографу по профессіи, шахъ приказалъ пробыть нѣсколько дней при Кондратенкѣ и изучить способъ его манипуляцій. Послѣ этого шахъ очень милостиво поблагодарилъ всѣхъ, приказалъ угостить насъ чаемъ и, уходя, просилъ поскорѣе прислать два портрета, отдѣланные красками, и нѣсколько портретовъ безъ красокъ. Его величество самъ занимается фотографіей и рисуетъ карандашомъ, но изъ всѣхъ

портретовъ его, которые мы видѣли, ни одинъ не имѣетъ большаго сходства; всѣ они притомъ или очень темны, или блѣдны.

28-го числа, рано утромъ, несмотря на дождь, шахъ уѣхалъ на охоту въ Джаджерудъ (за семь фарсаховъ отъ Тегерана). Его сопровождали 25 женъ его, въ 56 каретахъ, полкъ пѣхоты, батарея артилеріи, до 500 человекъ кавалеріи, нѣсколько принцевъ, два министра и много вельможъ. Весь кортежъ состоялъ изъ трехъ тысячъ человекъ; но иногда свита шаха, въ подобныхъ случаяхъ, бываетъ многочисленнѣе. Охота обыкновенно продолжается нѣсколько дней, часто и цѣлый мѣсяць, смотря по времени года. Въ это же утро, въ одиннадцать часовъ, мы всѣ осматривали дворецъ и шахскія сокровища. Насъ ввели въ комнаты, называемыя сандукъ-хане (хранилище сокровищъ). Здѣсь генерала Минквица ожидали Ягья-ханъ и хранитель сокровищъ. Первая комната небольшая, устлана коврами; по срединѣ ея небольшой мозаическій столъ; кругомъ стѣнъ маленькіе стулья европейской работы; на двухъ дверяхъ парчевыя занавѣски (цѣною каждая въ 500 тумановъ). Изъ другой комнаты начали выносить драгоценности. Прежде всего вынесли бархатную малиновую шапку, наподобіе нашей короны, съ перьями, усыпанную крупными брилліантами и жемчугомъ; наверху ея изумрудъ необдѣланный, величиною въ грецкій орѣхъ. Потомъ вынесли на подносѣ нѣсколько налокотниковъ, или браслетовъ, изъ рубиновъ, изумрудовъ, яхонтовъ, жемчуга и брилліантовъ. На второмъ подносѣ были нитки жемчуга, величиной въ обыкновенный орѣхъ; въ главныхъ частяхъ до ста такихъ зеренъ и чрезъ каждыя пять зеренъ большой рубинъ. Эти четки шахъ употребляетъ во время большихъ церемоній. Далѣе слѣдовалъ подносъ съ нѣсколькими поясами, брилліантовыми, жемчужными и изумрудными украшеніями. На главномъ поясѣ въ пряжкѣ вдѣланъ знаменитый брилліантъ „дарьяй-иуръ“ (море свѣта), съ вершокъ длиною, совершенно плоскій, съ одной стороны котораго едва замѣтно вырѣзано: „Фетъ-Али-шахъ“. Говорятъ, вѣсъ его 250 каратъ. Блескъ поразительный. Вынесли еще подносъ съ брилліантовыми эполетами, запонками и нарукавниками; потомъ подносъ съ орденами, осыпанными крупными брилліантами; брилліантовый съ сапфиромъ букетъ съ бабочкой, присланный въ подарокъ отъ французскаго императора; подносъ съ кинжалами, изъ кото-

рыхъ одинъ осыпанъ жемчугомъ, другой рубинами, третій изумрудами, и между ними великолѣпной работы кинжалъ, украшенный превосходными бриліантами. Показывали также нѣсколько мундировъ, у которыхъ грудь, обшлага и воротники зашиты жемчугомъ и бриліантами; десять шапокъ съ бриліантами напередѣ, четырнадцать сабель, принадлежавшихъ разнымъ шахамъ и принцамъ и обдѣланныхъ самыми драгоценными каменьями, и наконецъ жезлы и трости, также осыпанные бриліантами и другими камнями. Мое перо не въ состояніи описать всѣхъ богатствъ и неоцѣненныхъ сокровищъ, подобныхъ которымъ не имѣеть ни одно государство. Большая половина сокровищъ хранится въ сундукахъ, нѣкоторыя же драгоценности шахъ взялъ съ собой. Намъ повели потомъ въ приемныя залы. Въ первой, направо при выходѣ въ садъ, большой тронъ, обитый золотыми листьями и убранный драгоценными камнями; надъ трономъ большая бриліантовая звѣзда съ тридцатью рожками, которая посредствомъ особаго механизма вертится. Во время парадныхъ приемовъ, когда шахъ сидитъ на тронѣ, эту звѣзду заводятъ, и она обращается, производя ослѣпительный блескъ. На правой стѣнѣ двѣ гобеленовыя картины, и тутъ же, подъ колпакомъ, огромной величины золотыя часы. Потолокъ и стѣны этой залы зеркальныя. Во второй залѣ шахъ принималъ миссію. Въ третьей золотой тронъ, осыпанный жемчугомъ и бирюзой. У подножія его три ковра; подушка украшена жемчугомъ, а бордюры рубинами. На другомъ дворѣ большой бассейнъ, въ которомъ прежде ходилъ маленькій пароходъ, теперь испорченный. Тутъ также садъ и зала, въ которой тронъ на слонахъ, со вдѣланными восковыми бюстами всѣхъ прежнихъ шаховъ, за стекломъ. Строилось еще новое зданіе съ богатой мраморной лѣстницей. Во всѣ залы ведутъ крутыя лѣстницы изъ синяго кирпича, на которыхъ разставлены часовые. Мы застали ихъ спокойно грѣющимися около мангаловъ. Въ углу сада четыре минарета, въ родѣ башенъ, и высокій бельведеръ, выходящій на площадь Мейданы-Тупъ. На другомъ обширномъ дворѣ, передъ садомъ, въ открытой залѣ большой тронъ изъ бѣлаго мрамора, окруженный статуями античной работы.

Съ 1-го декабря погода начала устанавливаться и показалось солнце, что, по предсказаніямъ астрологовъ, предвѣщало на весь мѣсяцъ хорошіе дни.

5-го декабря былъ назначенъ большой смотръ тегеранскаго

гарнизона. Возлѣ „дервозей-давлетъ“ устроенъ для подобной цѣли огромный плацъ, болѣе версты въ длину, обнесенный кругомъ каменной стѣной съ нишами. Здѣсь было собрано девять фуаджей (баталіоновъ, по 1,000 человѣкъ каждый) и одна батарея артилеріи изъ восьми орудій. Строй пѣхоты трехшереножный; артилерія особыхъ зарядныхъ ящичковъ не имѣетъ: всѣ заряды помѣщаются въ передкахъ. На плацу встрѣтилъ насъ военный министръ Сеаегъ-Саларъ-мирза Маметъ-ханъ, со всѣмъ штабомъ. Войска проходили подъ музыку повзводно шагомъ, довольно ровно, но теряли дистанцію. Тутъ были одинъ тегеранскій баталіонъ въ красномъ мундирѣ и два хорасанскихъ въ синихъ; четвертый тоже въ красномъ мундирѣ и бѣлыхъ шароварахъ, и 5, 6, 7, 8 и 9 азербеджанскіе, въ темносинихъ мундирахъ. Второй разъ прошли колоннами, артилерія же по одному орудію; подъ каждымъ орудіемъ четыре лошади съ двумя ѣздовыми; прислуга пѣшая. Когда кончился смотръ, особый оркестръ духовой музыки, подъ управленіемъ француза-капельмейстера, по приказанію военнаго министра, заигралъ гимнъ „Боже, Царя храни“, чрезвычайно отчетливо и вѣрно. Этотъ оркестръ всего только три года какъ устроенъ и часто играетъ во дворцѣ. Затѣмъ мы пошли осматривать вновь построенныя, неподалеку отъ площади, артилерійскія мастерскія. Тутъ же помѣщены и кузницы, но еще не совсѣмъ приведенныя въ порядокъ.

6-го, утромъ, до полудня были съ визитомъ у генерала Миръ-Туманъ-Маметъ-ханъ и Мирза-Кафаръ-ханъ, прежній посланникъ при нашемъ дворѣ. Вечеромъ, всѣ мы были приглашены къ министру иностранныхъ дѣлъ. Онъ живетъ въ своемъ домѣ въ городѣ. Домъ двухэтажный; въ верхнія комнаты ведетъ крутая лѣстница, выложенная глянцовитымъ синимъ кирпичемъ и по этой причинѣ чрезвычайно скользкая. Для персіянъ, которые всегда ходятъ въ чулкахъ, такая лѣстница не представляетъ неудобствъ; но европейцу ходить по ней въ сапогахъ требуетъ особенной осторожности. Комната убрана въ полугерпейскомъ вкусѣ. На полу стояли большіе хрустальные канделябры. Мы застали большое собраніе гостей: военнаго министра, Ферукъ-хана и другихъ особъ. Обѣдъ былъ устроенъ въ нижней комнатѣ, на 25 персонъ; столъ хорошо сервированъ; кушанья подавались быстро одно за другимъ. Всѣ блюда, за исключеніемъ пилава и челова, были европейскія; прислуга

чрезвычайно расторопная и предупредительная. Во время объѣда предложены были тосты за здоровье нашего Государя, шаха, наслѣдниковъ нашего и персидскаго престоловъ, намѣстника кавказскаго и тѣхъ государей, представители которыхъ присутствовали за объѣдомъ. Послѣ объѣда, мы перешли снова наверхъ, гдѣ составилась вистъ и завязался общій разговоръ. Когда подали кофе и кальяны, явился пѣвецъ, который, сидя, пѣлъ персидскіе стихи, сочиненные хозяиномъ дома. Мирза-Сеидъ-ханъ пользуется извѣстностію перваго народнаго поэта. Стихотворенія его многіе поютъ наизусть. Степенность и необыкновенное спокойствіе — отличительныя его черты; рѣчь тиха и протяжна, осанка величественная. Уже было около полуночи, когда мы простились съ радушнымъ хозяиномъ.

Погода совершенно установилась: дни превосходные; въ полдень бывало даже жарко.

Въ одной изъ комнатъ дома, съ самаго нашего пріѣзда, поселились купцы-комисіонеры, которые нанесли бездну разныхъ вещей для продажи, но рѣшительно ни въ чему не было приступа, по необыкновенной дороговизнѣ, особенно на ковры и бирюзу. Бирюза очень вздорожала въ послѣдніе два года. Ея привозятъ въ Тегеранъ мало, потому что рудники, въ которыхъ она добывается, были залиты водой. Обстоятельство это подняло цѣну на бирюзу втрое противъ прежняго, и, кромѣ того, купцы запрашивали съ насъ втрое, какъ съ европейцевъ, незнающихъ настоящей цѣны этого товара. Особенно отличался между торговцами извѣстный всему городу своимъ тонкимъ надувательствомъ Нафулла: онъ божился и клялся всѣми имамами, бравился съ товарищами и все-таки обманывалъ, приводя такія доказательства, что поневолѣ повѣришь. Многo приходило мнѣ видѣть порядочныхъ плутовъ изъ персіанъ-купцовъ, но подобнаго еще никогда и нигдѣ не встрѣчалъ.

На базарѣ запрашиваютъ двойную цѣну и уступаютъ очень мало. Въ наше пребываніе всѣ лучшіе товары, и особенно ковры, большими партіями были вывезены въ Константинополь и въ Москву. Въ Тегеранѣ рѣдко можно было найти хорошій коверъ.

8-го декабря вся миссія была приглашена на официальный объѣдъ къ военному министру. Въ шесть часовъ пополудни мы отправились. Передъ воротами министерскаго дома горѣли „ма-

шалы“ (*); дворъ былъ освѣщенъ плошками. Хозяинъ встрѣтилъ насъ чрезвычайно радушно и просилъ садиться, послѣ чего подали кофе и кальяны. Приемная комната была отдѣлана въ персидскомъ вкусѣ: потолокъ весь лѣпной работы; по стѣнамъ съ трехъ сторонъ покрытыя бархатомъ „тахты“ (**); у четвертой же кресла; полъ устланъ курдистанскимъ ковромъ. Вскорѣ дали знать, что обѣдъ готовъ. Столовая комната отличалась другою отдѣлкою: потолокъ разрисованъ цвѣтами, стѣны позолочены, три большія стеклянныя двери вели на балконъ, по срединѣ котораго устроенъ красивый бассейнъ съ фонтанами. Обширный садъ, былъ освѣщенъ разноцвѣтными шкаликами. Столъ, накрытый на тридцать человекъ, былъ сервированъ роскошно: посуда китайскаго фарфора; дорогіе канделябры, очень хорошія вина, разнообразныя фрукты и нѣсколькихъ сортовъ варенья. Обѣдъ состоялъ изъ двадцатитрехъ блюдъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и неизбѣжный пилавъ. Въ половинѣ обѣда, когда подали шампанское, генералъ Минквицъ предложилъ тостъ за здоровье шаха, а хозяинъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье нашего Государя, и въ это время хоръ музыкантовъ заигралъ „Боже, Царя храни“. Затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Аминуль-давле-Феррухъ-ханъ, предложилъ тосты нашего наслѣдника и намѣстника кавказскаго, также коронованныхъ особъ, представители которыхъ присутствовали за обѣдомъ. Во все время обѣда музыканты играли марши и другія пьесы. Тутъ же была и зурна (***). По окончаніи обѣда всѣ вышли на балконъ въ садъ, гдѣ, по сигналу горниста, пустили нѣсколько ракетъ и затѣмъ начался разнообразный фейерверкъ. Въ заключеніе фейерверка явился персіянинъ, одѣтый въ толстую куртку, такіе же панталоны и въ круглой шляпѣ съ огромными полями, на которыхъ были утверждены трубки съ горючимъ составомъ. Персіянинъ былъ, кромѣ того, обвѣшанъ ракетами, и когда все это зажглось, онъ началъ подъ музыку плясать польку, весь пылая въ огнѣ. Послѣ фейерверка гости перешли въ богато-убранную гостиную, гдѣ подали кальяны и чай. Гостиная и рядомъ съ нею кабинетъ были убра-

(*) Нѣчто въ родѣ смолянскихъ вѣнковъ.

(**) Родъ дивана.

(***) Азіятскій инструментъ, похожій на дудку, съ прозвительнымъ звукомъ. Незбѣжный спутникъ зурны—барабанъ, въ который колотятъ безъ толку, со всей силы. Обыкновенно такой оркестръ состоитъ изъ трехъ человекъ: двое дудать, одинъ барабанить.

ны по-европейски; по стѣнамъ висѣли хорошей работы гравюры, а въ одномъ углу большая картина изображала молодую дѣвушку, со сложенными крестообразно руками, поднятыми вверхъ, въ голубомъ шелковомъ платьѣ декольте. Позади ея выглядываетъ сѣдобородый старецъ, въ персидской шапкѣ, со страстнымъ выраженіемъ лица. Картина эта — цѣлая исторія шейхъ-Сенана, который влюбился въ христіанку, преслѣдовалъ ее повсюду и кончилъ тѣмъ, что самъ принялъ христіанство.

Почтенный хозяинъ нашъ чрезвычайно старался угодить генералу Минквицу. Джегангиръ-ханъ, начальникъ арсенала, распорядившись приѣмомъ, не упускалъ изъ виду ничего, что бы только могло доставить удовольствіе гостямъ его начальника. По разсчету французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, обѣдъ стоилъ не менѣе 14,000 франковъ. Французскій дипломатъ прибавилъ, что никогда на подобныхъ обѣдахъ не бывалъ.

9-го, генералъ Минквицъ сдѣлалъ визитъ начальнику арсенала, Джегангиръ-хану, а шахъ прислалъ, со своимъ „абдаромъ“ (подающій воду), двѣнадцать вуропатокъ, застрѣленныхъ на охотѣ. Наши фотографы, между тѣмъ, трудились усердно: отдѣлали семь портретовъ шаха, изъ которыхъ два красками, чрезвычайно ему понравились. Придворные же были просто въ восторгѣ. Министры, одинъ за другимъ, просили генерала позволить снять съ нихъ портреты, и потому наши фотографы были заняты по цѣлымъ днямъ. Можно сказать утвердительно, что снятые ими съ шаха портреты единственные въ Персіи по отдѣлкѣ и по разительному сходству. Это засвидѣтельствовалъ самъ шахъ.

10-го декабря всѣ были приглашены завтракать къ г. Алесону. У него мы застали французовъ, турокъ и нашего повѣреннаго въ дѣлахъ. Домъ англійскаго посольства лучшій изъ всѣхъ посольскихъ домовъ. Онъ въ европейскомъ вкусѣ, съ полнымъ англійскимъ комфортомъ. Завтракъ былъ обильный. По окончаніи его, съиграли нѣсколько партій на бильярдѣ, и потомъ всѣ отправились за городъ, въ „Касри-Каджаръ“ (большой дворецъ), въ шести верстахъ отъ города на сѣверъ. Дворецъ построенъ Фетъ-Али-шахомъ и имѣетъ множество комнатъ, изъ которыхъ величественный видъ на всю долину и городъ. Далѣе къ горамъ видны еще нѣсколько лѣтнихъ дворцовъ, и между ними большая бумагопрядильная фабрика, которая при насъ не дѣйствовала за недостаткомъ машинъ. Отъ

города до „Касри-Каджара“ и далѣе ведетъ превосходное шоссе, единственное въ Персіи и только полтора года какъ оконченное.

12-го декабря, утромъ, я пошелъ съ фотографами снимать портретъ хаджи-Али-хана и его сына. Надо замѣтить, что каждый изъ этихъ господъ желалъ непременно сниматься у себя дома, а потому нужно было переносить снарядъ и всѣ матеріалы, что дѣлало намъ много хлопотъ и отнимало много времени. Не могу не отдать полной справедливости г. Кондратенкѣ: всѣ его портреты и виды удавались сразу, отчетливо, рѣшительно безъ малѣйшей поправки. Быстрота сниманія приводила персіянъ въ неописанный восторгъ и удивленіе. Похваламъ не было конца.

13-го декабря шахъ изъявилъ желаніе видѣть генерала Минквица въ полдень, вмѣстѣ съ г. Графомъ. Бесѣда ихъ продолжалась около двухъ съ половиною часовъ о разныхъ предметахъ, безъ всякихъ офиціальностей. Такая благосклонность и вниманіе шаха къ русскому генералу произвели сильное впечатлѣніе на весь городъ. На базарѣ прежде всѣхъ заговорили объ этомъ почетѣ, оказанномъ русскому генералу, потому что шахъ ничего подобнаго не оказывалъ никому изъ иноземныхъ пословъ и министровъ.

День 13-го декабря считается торжественнымъ праздникомъ у персіянъ (день рожденія Алія), и потому шахъ является придворнымъ и народу въ полной парадной формѣ. Вслѣдствіе того, его шахское величество просилъ генерала прислать утромъ фотографовъ и снять съ него еще одинъ портретъ. Въ десять часовъ утра я отправился во дворецъ съ фотографами. Всѣ дворы были наполнены народомъ и войсками; въ главныхъ покояхъ собрались всѣ принцы крови, именно сыновья Фетъ-Али-шаха и Маметъ-шаха и всѣ почетные представители каджарскаго дома. Въ полдень произведенъ былъ выстрѣлъ изъ орудія и заиграла музыка. Шахъ былъ въ мундирѣ съ брилліантовыми эполетами, въ голубой лентѣ черезъ плечо; на шеѣ портретъ Алія, на золотомъ поясѣ брилліантами осыпанная сабля. Тихо и важно вступилъ онъ въ открытую аудіенцъ-залу. Въ это время войска стали входить въ садъ и заняли, въ двѣ шеренги, мѣста кругомъ сада у стѣнъ. Передъ залой остановились музыканты и артиллеристы, послѣ чего начали входить придворные по двое въ рядъ, въ красныхъ плащахъ и въ

большихъ чалмахъ. Остановившись, они отдали низкій поклонъ шаху. Затѣмъ вошла, подъ предводительствомъ серъ-виглички-баши (начальника тѣлохранителей), отборная стража оруженосцевъ (всѣ изъ каджаровъ) и также заняли мѣсто у рѣшотки сада, влѣво отъ шаха. Музыка заиграла снова, и войска взяли на караулъ. Всѣ присутствующіе повлонились, послѣ чего придворные слуги, въ богатыхъ одеждахъ, поднесли шаху кальянъ, осыпанный брилліантами, съ длиннымъ чубукомъ. Кальянъ стоялъ на полу, на золотой, украшенной каменьями, тарелкѣ, но вмѣсто табаку въ немъ были драгоцѣнные каменья (*). Въ эту минуту выступилъ шахскій поэтъ и началъ декламировать нараспѣвъ, самымъ звучнымъ голосомъ, сочиненные для этого дня стихи, посреди мертвой тишины. Въ залѣ, передъ шахомъ, стояли его сынъ, Энаибъ, губернаторъ города Тегерана и министры. Послѣ селяма и поздравлений, отправились на площадь, гдѣ музыка играла русскій маршъ. Шахъ, будучи въ парадномъ мундирѣ, пожелалъ снять съ себя портретъ во весь ростъ; но на этотъ разъ портретъ вышелъ неудовлетворительно, о чемъ доложили шаху, и просили его сняться во второй разъ: онъ согласился, по окончаніи селяма.

Чтобы показаться народу, шахъ вошелъ въ кіоскъ на площади, обставленной войсками. Посрединѣ было каре изъ артиллеристовъ и феррашей. Лишь только шахъ занялъ мѣсто въ кіоскѣ, появились „моти“, полунагіе лицевѣи, которые и начали разныя представленія. Между ними было семейство карликовъ, отецъ и три сына, всѣ не болѣе аршина ростомъ. Въ бассейнъ передъ кіоскомъ бросились два молодыхъ парня и плавали въ ожиданіи награды; потомъ показались мальчишки-плясуны, артисты съ обезьянами, медвѣдь и ученый козелъ, который ходилъ по канату. Наконецъ выбѣжали пеглевины (силачи, борцы). Все это шумѣло, кричало, дралось и, разумѣется, ожидало щедрой награды. Шахъ собственноручно бросалъ серебро, а старшинамъ золото. Толпы народа стояли по обѣ стороны; актеры, подходя къ кіоску, привѣтствовали шаха. По возвращеніи въ садъ, сняли съ шаха второй разъ портретъ, очень удачно, чѣмъ его величество остался весьма доволенъ и нѣсколько разъ повторилъ свою благодарность.

Шахъ всегда окруженъ толпой придворныхъ и прислужниковъ, собирающихся во дворецъ съ утра. Когда же шахъ ухо-

(*) Этотъ церемоніалъ исполняется только въ большіе праздники.

дѣтъ во внутренніе покои, то они всѣ въ хорошую погоду сидятъ въ саду, а въ дурную въ комнатахъ, курятъ кальянъ и ведутъ бесѣду до вечера. Иногда шахъ разговариваетъ съ ними. Кромѣ придворныхъ и прислужниковъ свуютъ изъ угла въ уголь „гулямъ-бече“ (гаремные мальчики), которые до 12-лѣтняго возраста находятся на женской половинѣ. Они дѣти лучшихъ фамилій. Самые приближенные къ шаху сановники исполняютъ лакейскія обязанности. Во дворцѣ постоянно живутъ 25 сербазовъ, одѣтыхъ въ казакины, въ сѣрые панталоны съ красными лампасами, и ранды съ перевязью. Они назначены для разнородныхъ церемоній.

14-го декабря, утромъ въ десять часовъ, всѣ состоящіе при миссіи, кромѣ двухъ больныхъ, отправились на встрѣчу нашему чрезвычайному посланнику и полномочному министру, г. Гирсу, который въ этотъ день въѣзжалъ въ городъ. У скаковаго круга его ожидали: высланный отъ имени шаха Миръ-Туманъ-Мамедъ-ханъ, адъютантъ министра иностранныхъ дѣлъ, полиціймейстеръ города со всѣмъ штатомъ полиціи, нѣсколько секретарей, взводъ кавалеріи и заводныя лошади; дажѣ же на встрѣчу выѣхали старшина русскихъ подданныхъ и все купечество. Въ половинѣ двѣнадцатаго, къ иподрому прибылъ г. Гирсъ и, переодѣвшись въ парадную форму, вошелъ въ приготовленную комнату, гдѣ и былъ привѣтствованъ. Подали кофе, чай и кальяны, послѣ чего поѣздъ тронулся и у города былъ встрѣченъ 10 скороходами, 20 феррашами и почетнымъ карауломъ. Передъ посольскимъ домомъ была построена рота солдатъ съ музыкантами, для той же цѣли. Въ залѣ дома ожидали посланника повѣрившій въ дѣлахъ, чиновники иностранныхъ миссій и пять статсъ-секретарей, въ парадныхъ костюмахъ, въ богатыхъ шубахъ и въ чалмахъ изъ шалей. Всѣ они поздравили посланника съ благополучнымъ прибытіемъ. Въ этотъ же день мы ѣздили съ визитомъ къ министру путей сообщенія, который принялъ генерала въ зеркальной портретной комнатѣ. Рядомъ съ нею, подъ стеклянной крышей, былъ садъ изъ лимонныхъ, апельсиновыхъ и померанцовыхъ деревьевъ необыкновенной величины. Когда мы сѣли, намъ подали разныхъ сортовъ мороженое, желе, кофе, чай и всевозможные фрукты; особенно хороши были „нарынги“, родъ апельсиновъ, съ удивительнымъ ароматическимъ вкусомъ. Незамѣтно просидѣли мы почти съ часъ времени.

15-го декабря отдали визиты нашему генералу министры юстиціи и путей сообщенія, а вечеромъ мы всѣ были приглашены на обѣдъ къ Феррухъ-хану. Какъ я уже говорилъ, у него большой домъ со множествомъ комнатъ, превосходный зимній садъ, по срединѣ котораго была приготовлена закуска. Комнаты убраны роскошно: зеркала, гѣпная работа, отличныя картины, мебель европейская и персидская мозаиковая, обитая дорогой шелковой матеріей и бархатомъ; полы устланы великогѣпными коврами; въ каждой комнатѣ въ каминѣхъ пылалъ каменный уголь; дворъ освѣщенъ былъ разноцвѣтными фонарями; на площадкѣ стоялъ хоръ шахскихъ музыкантовъ. Хозяинъ встрѣтилъ генерала Минквица и всю свиту въ первой комнатѣ, благодарилъ за вниманіе, извинился, что далеко живеть, и выразилъ сожалѣніе, что не могъ послать экипажей, такъ какъ улицы очень дурны. Хозяинъ выразилъ также надежду, что если генералъ еще разъ пріѣдетъ въ Тегеранъ, то къ тому времени можно будетъ ѣздить въ экипажахъ по всему городу. Столъ былъ накрытъ въ большой зеркальной комнатѣ, потолокъ которой былъ разрисованъ картинами европейской работы. Обѣдъ состоялъ изъ двадцати блюдъ, приготовленныхъ англійскимъ поваромъ; отборныя вина: бордо, хересь, портвейнъ, малага, шампанское, туземное двухъ сортовъ, бѣлое и красное, и ликеры. Послѣ обычныхъ тостовъ, генералъ Минквицъ предложилъ тостъ за здоровье хозяина и всѣхъ министровъ персидскихъ и благодарилъ ихъ за особенное вниманіе и радушный пріемъ. Перейдя въ другія комнаты и расположившись кто гдѣ хотѣлъ, гости курили кальяны, трубки, превосходныя сигары, пили кофе и чай.

16-го декабря, мы осматривали звѣринецъ. Въ большомъ саду два зданія; изъ нихъ въ первомъ, за желѣзной рѣшеткой, сидѣли барсъ, два королевскихъ тигра и львица; далѣе на дворѣ медвѣдь на цѣпи, волкъ, пять тигренковъ, буйволъ, двугорбые верблюды, дикій лошакъ, носорогъ и два джейрана (*). Въ другомъ зданіи птичникъ. Паркъ очень большой, и въ него дозволено входить всякому и во всякое время года.

18-го декабря намъ принесли пожалованные шахомъ ордена и подарки, заключавшіеся въ перстняхъ и шпаляхъ. Казакамъ и всей прислугѣ были присланы медали. Все это доставилъ

(*) Родъ оленя.

секретарь министра иностранныхъ дѣлъ и роздалъ по назначенію.

19-го декабря, въ полдень, назначена была прощальная аудіенція у шаха. За полчаса до приѣма, за нами пріѣхали три кареты и верховыя лошади. Мы опять вошли въ тѣ же ворота, и на первомъ дворѣ въ той же самой комнатѣ встрѣтили нашего генерала: оберъ-церемоніймейстеръ (курисавуль-баши) и наибъ министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣ кофе и кальяна пришли доложить, что все готово къ приѣму. Въ саду ожидали генерала мирза-Сейдъ-ханъ и Ягья-ханъ. Шахъ принялъ насъ въ комнатѣ, называемой рабочей или кабинетомъ, рядомъ съ аудіенцъ-залой, гдѣ принималъ насъ въ первый разъ. Всѣ стѣны комнаты были увѣшаны картинами и портретами коронованныхъ лицъ: кругомъ пятнадцать вызолоченныхъ креселъ и небольшой диванъ, на которомъ сидѣлъ шахъ въ горностаевой шубѣ, покрытой золотой парчей. Поклонившись, генералъ Минквицъ благодарилъ его величество за милостивое вниманіе, оказанное ему и всѣмъ чинамъ миссіи пожалованіемъ орденовъ и подарковъ. Шахъ спросилъ о здоровьи и о томъ, не скучаемъ ли мы; освѣдомился о больныхъ и о дорогѣ, по которой мы намѣрены возвратиться; спрашивалъ генерала о мѣстѣ его родины, потомъ объ училищахъ и корпусахъ въ Россіи, и, наконецъ, изъявилъ желаніе, чтобы, по возвращеніи въ Тифлисъ, генералъ передалъ Его Императорскому Высочеству намѣстнику кавказскому чувства особеннаго дружескаго расположенія его величества, которое, какъ онъ надѣется, должно продлиться надолго, и увѣренъ, что, помимо официальныхъ сношеній, будетъ часто получать извѣстія отъ Великаго Князя. Еще разъ повторилъ шахъ свое удовольствіе за извѣстіе, привезенное генераломъ о прибытіи Его Высочества на Кавказъ, въ званіи намѣстника; затѣмъ спросилъ генерала, все ли онъ видѣлъ. Генералъ Минквицъ отвѣчалъ, что просить позволенія посмотреть арсеналъ, военное училище и лошадей его величества. Шахъ согласился съ удовольствіемъ и просилъ проэкзаменовать учениковъ въ разныхъ наукахъ, присовокупивъ, что училище существуетъ только девять лѣтъ и лучшіе ученики, въ числѣ 48 человекъ, каждый годъ отправляются въ парижскую политехническую школу, для окончанія курса. Затѣмъ, пожелавъ благополучнаго пути, онъ отпустилъ насъ. Мы пошли прямо въ „тавиней-шахъ“ (шахскую конюшню), въ которой триста лошадей

верховыхъ и упряжныхъ. Здѣсь встрѣтилъ насъ сынъ начальника конюшни и попросилъ въ комнату, гдѣ были приготовлены чай, сласти и фрукты. На дворѣ стояли выведенныя лошади подѣ двойными попонами; при каждой былъ конюхъ; на любимой лошади шаха (бѣломъ, съ черными крапинками, жеребцѣ арабской породы неджидѣ) уздечка была осыпана драгоценными каменьями, нагрудникъ и нахвостникъ золотые, украшенные изумрудами и алмазами; на головѣ, между ушей, большой аграфъ изъ алмазовъ, по срединѣ котораго крупный рубинъ и наверху страусовыя перья. Попона вся вышитая жемчугомъ; кругомъ, по краямъ, рядъ драгоценныхъ камней. Едва-ли какая лошадь можетъ состязаться съ этимъ жеребцомъ въ иноходи; несмотря на то, что онъ уже старъ, и до сихъ поръ во всей Персіи не могутъ найти подобнаго втораго коня. Другая лошадь бѣлая, тоже знаменитый иноходецъ. Проводили затѣмъ великолѣпныхъ туркменскихъ лошадей въ золотыхъ уздечкахъ и бархатныхъ попонахъ, шитыхъ серебромъ.

Конюшня каменная, довольно обширная; для каждой лошади особое стойло; но, вмѣсто перегородокъ, горки навоза, который постилаютъ на ночь вмѣсто соломы.

Отсюда мы направились въ военное училище. Въ большой залѣ встрѣтилъ генерала начальникъ училища Али-Кулимирза, и представилъ всѣхъ преподавателей и служащихъ; потомъ, по обыкновенію, подали кофе, чай и кальяны. Въ залѣ небольшая библіотека, нѣсколько телеграфическихъ аппаратовъ, три топографическихъ инструмента: астролябія, мензула и небольшой теодолитъ. На столѣ, подѣ стекляннымъ колпакомъ, скелетъ чловѣка. Въ рабочей комнатѣ электрическая машина, приборъ съ вогнутыми зеркалами Пиктета, шкаль съ коллекціей минераловъ и телеграфическій аппаратъ. Къ этой комнатѣ примыкаютъ класы. Спрошенные ученики быстро и бойко отвѣчали изъ математикѣ, артилеріи, химіи, механики, физики, военнаго искусства и иностранныхъ языковъ, показывали обращеніе съ телеграфомъ и передачу депешъ на трехъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Для этой цѣли, на двухъ столахъ поставлены два аппарата новѣйшаго устройства, на которыхъ практикуются ученики. Въ училищѣ 120 учениковъ; самый меньшій срокъ курса пять лѣтъ, но иные сидятъ и по десяти лѣтъ. Класы небольшіе; въ каждомъ черная доска; въ нѣкоторыхъ столики и скамейки. Зданіе училища квадрат-

ное; посрединѣ садикъ; у главныхъ воротъ колокольчикъ, по которому сзываютъ учениковъ къ занятіямъ.

Арсеналь, огромное квадратное зданіе, во внутренней части котораго, кругомъ стѣнъ, галерея, гдѣ помѣщаются орудія большаго калибра, покрытыя холстомъ; правѣ идетъ складъ ядеръ; немного далѣе рядъ комнатъ, гдѣ хранятся патроны, капсюли, гранаты, картечь и другія принадлежности; потомъ большая комната, гдѣ поставлены въ сошкахъ 20,000 ружей, купленныхъ въ Парижъ, и 10,000 штуцеровъ. Тутъ же три наръзные пушки, выписанныя изъ Франціи, по образцу которыхъ уже были сдѣланы въ Тегеранѣ два орудія довольно хорошо. Все вообще устроено чрезвычайно акуратно. Самъ начальникъ арсенала и лабораторіи, Дженгиръ-ханъ, показывалъ намъ все примѣчательное.

Съ 21-го декабря начались наши приготовленія къ отъѣзду. Съ ранняго утра, на нашемъ дворѣ настоящій базаръ: приходятъ торговцы съ различными товарами, сбавляютъ цѣну противъ прежняго, потому что мы научились торговаться съ ними.

22-го декабря шахъ выѣхалъ на охоту за три версты отъ города и долженъ былъ вернуться на другой день. Такіи поѣздки онъ дѣлаетъ часто, и всегда съ большой свитой; беретъ съ собой и гаремъ, если охота продолжается дня три или больше.

25-го, утромъ въ девять часовъ, генераль, со всей свитой, былъ у Сенегъ-Салара съ прощальнымъ визитомъ; передъ вечеромъ же мы всѣ посѣтили министра иностранныхъ дѣлъ, котораго генераль благодарилъ за особое вниманіе къ миссіи и за всѣ его распоряженія къ обратному нашему путешествію. Послѣ обычнаго угощенія, мы распростились съ мирзой-Сендъханомъ и воротились домой. Итакъ, весь первый день праздника Рождества мы провели въ разъѣздахъ, а наши фотографы за работой портретовъ.

26-го назначенъ былъ нашъ отъѣздъ; но оказалось, что персіане еще не готовы, и потому отъѣздъ отложенъ на два дня. Послѣ завтрака, нѣсколько человекъ изъ насъ отправились осмотрѣть развалины Рей въ полуторѣ верстѣ отъ города на югъ, по дорогѣ къ Шахъ-Абдулязиму. Передъ развалинами изъ-подъ скалы выбѣгаетъ ключъ Чемше-Али, около котораго стѣна скалы обтесана и выбита фигура Фетъ-Али-шаха и нѣкоторыхъ его

придворныхъ (*). Отъ ключа идутъ подземные водопроводы въ окрестныя деревни для орошенія полей, отчего въ самомъ бассейнѣ воды бываетъ мало. Шахъ, дня три назадъ, проѣзжая здѣсь, замѣтилъ это, и когда узналъ, что вода разведена по водопроводамъ, велѣлъ тотчасъ же два изъ нихъ засыпать. Дѣйствительно, мы видѣли рабочихъ, которые старательно засыпали водопроводъ, чрезъ что двѣ-три деревни остались безъ воды, а поля ихъ безъ поливки. Особенно большой убытокъ причиненъ мирзѣ-Муса, хозяину ближайшихъ деревень, который самъ велъ водопроводъ и истратилъ, можетъ быть, не одну тысячу тумановъ. Отъ Чемше-Али начинаются самыя развалины и тянутся до мечети Шахъ-Абдуля-Зимъ, по срединѣ которой большая круглая кирпичная башня, около семи саженъ вышины и четыре аршина въ діаметрѣ. Наверху, съ южной стороны, видна часть куфической надписи. Башню называютъ „Бурджи-Изидъ“. Развалины имѣютъ до восьми верстъ окружности. На югъ отъ башни Бурджи-Язидъ, верстахъ въ пяти, мечеть въ честь имама Абдуля-Зима, который такъ почитается мусульманами, что ни одинъ изъ нихъ не побоится головой его, если говорить неправду. Мнѣ рассказывали за досто-вѣрное, будто бы два года тому назадъ случилось диво: одинъ мальчикъ, подойдя къ гробницѣ, укралъ золотую вещь, но лишь только вышелъ изъ мечети, началъ кричать, и всѣ увидѣли, что руки его сведены назадъ, а въ одной рукѣ украденная золотая вещь. Онъ со слезами признался, что укралъ ее съ гробницы Абдулязима. Собрались духовные, въ числѣ двѣнадцати человекъ, и начали читать надъ воряшкой коранъ и молитвы въ продолженіе всей ночи: утромъ мальчикъ вдругъ сталъ владѣть руками. Другой случай былъ вскорѣ послѣ этого. Одинъ побожился и призвалъ въ свидѣтели святаго, но тутъ же упалъ и умеръ. Отсюда заключили, что онъ солгалъ и за то наказанъ. Ежедневно бываетъ здѣсь много богомольцевъ; наканунѣ пятницы собираются большею частію женщины. На обратномъ пути мы хотѣли посмотреть кладбище гебровъ, которыхъ въ Тегеранѣ до пятидесяти семействъ, живущихъ въ отдѣльномъ караванъ-сараѣ. Они владутъ своихъ покойниковъ открытыми на поверхности земли; орлы, коршуны и другіе

(*). Рассказываютъ, что одинъ дервишъ, жившій около этого ключа, однажды пошелъ въ городъ и, приведя каменщика, заставилъ его отесать скалу и выбить фигурь.

хищники пожираютъ тѣла усопшихъ; но наши конюхи не знали мѣста кладбища и вмѣсто гебрскаго провели на армянское. Гебрское же находится въ $9\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города, на юго-востокъ, на горѣ; но такъ какъ уже было поздно, то мы вернулись домой.

30-го декабря окончательно назначенъ выѣздъ, и мы понемногу начали собираться въ дорогу. Погода стояла теплая. Надо было ею воспользоваться: иначе, дорога сдѣлается непроходимой, какъ обыкновенно бываетъ въ это время года. 27-го числа его величество шахъ пожаловалъ знаки ордена 4-й степени Льва и Солнца двумъ малолѣтнимъ сыновьямъ генерала Минквица, въ ознаменованіе своего особаго благоволенія. Это единственный примѣръ такого вниманія. Министръ иностранныхъ дѣлъ самъ принесъ ордена и фирманы.

Прежде чѣмъ оставить столицу Персіи, скажу о ней нѣсколько словъ.

Городъ расположенъ въ долинѣ и окруженъ зубчатой стѣной съ башнями; стѣны и башни недавно обновлены; кругомъ стѣны глубокій ровъ, съ весьма крутыми отлогостями; въ городѣ до 14,000 домовъ и до 80,000 жителей. Близъ дворца идутъ крытые базары; лучшій изъ нихъ построенъ покойнымъ эмиромъ Низамъ-мирзой-Тахи-ханомъ; много караванъ-сараевъ; изъ нихъ Амиръ замѣчательенъ своею оригинальною отдѣлкою. Складочной торговли вообще нѣтъ, но какъ только получаютъ товары, тотчасъ же партіями отправляются въ Россію и Константинополь; для продажи въ самомъ городѣ остается ихъ очень малое количество. Товары большею частію идутъ изъ Англіи, Россіи, Бельгіи и часть изъ Франціи; изъ Индіи привозятъ, по преимуществу, европейскія вина, но дурнаго качества. Шелковыя ткани доставляются изъ Решта, Езада и Кермана; изъ послѣдняго—огромное количество ковровъ и шалей; но лучшіе получаютъ изъ Кашмира. Сортъ подешевле идетъ чрезъ Герать, а другія шали чрезъ Бендеръ-Аббали, Буширъ и Ширазь, изъ опасенія нападеній туркменовъ, съ которыми Персія и до сихъ поръ не можетъ управиться, особенно послѣ послѣдняго похода, когда персіане потеряли значительное число войска и болѣе 50 орудій. Улицы въ Тегеранѣ очень узкія, кривыя и грязныя; изъ нихъ вымощена только одна треть. Зданія всѣ съ плоскими крышами, и лишь дворецъ, дома сановниковъ, мечети да нѣкоторыя кара-

ванъ-сарай имѣють желѣзную или черепичную кровлю. Вода проведена по улицамъ подземными каналами; сверху подѣланы отверстія, изъ которыхъ ее черпають; тутъ же поятъ лошадей и прочій скоть, моють бѣлье, отчего вода постоянно грязная и нездоровая для питья. Во дворцѣ и въ самомъ городѣ много садовъ. Въ Тегеранѣ, какъ и въ другихъ городахъ Востока, вся жизнь на улицѣ; бѣдныхъ здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Тавризѣ. Съ сѣверной и частію восточной стороны городъ окруженъ садами. Лѣтомъ, шахъ, посольства и всѣ вельможи въѣзжаютъ въ Шемиранъ (за 10 верстъ отъ столицы), расположенный у подножія горъ, ибо въ самомъ городѣ почти невозможно жить отъ сильныхъ жаровъ и пыли. Ничего Тегеранъ не производитъ замѣчательнаго; нѣтъ ни одной фабрики, ни одного завода; золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера перебиваются кое-какъ; башмачники, портные и столяры тоже бѣдны. Вечеромъ въ 9 часовъ всѣ городскія ворота запираются и никого не выпускають и не пускають безъ особаго на то приказанія начальника карауловъ. Жизнь въ Тегеранѣ, когда мы здѣсь были, довольно дешева; хлѣба, рису, баранины и зелени на всѣхъ базарахъ въ изобиліи; запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ вовсе нѣтъ, несмотря на то, что, два года тому назадъ, по случаю голода въ городѣ былъ бунтъ, и шахъ отдалъ народу полиціймейстера на жертву. Однако и послѣ бунта запасные магазины не принимаются. Администрація въ самомъ запутанномъ положеніи: надо много времени и труда, чтобы понять сущность персидской правительственной системы.

29-го декабря, утромъ, стали мы собираться и укладываться. Его величество потребовалъ къ себѣ нашего стараго мегмандара, Али-Акберъ-хана, и приказалъ ему провожать генерала и миссію до границы, черезъ Рештъ, взять карету изъ шахской конюшни и употребить всѣ усилія и старанія, чтобы миссія не имѣла нигдѣ и ни въ чемъ недостатка. Въ 11 часовъ подали завтракъ; вскорѣ пріѣхали нашъ посланникъ Гирсъ, Бартоломей, Зиновьевъ и Макаровъ, старшина купцовъ, мирза, состоявшій при миссіи, со стороны правительства, для почетнаго сопровожденія изъ города. Въ часъ пополудни мы тронулись; но предварительно собраны были прислуга и солдаты, состоявшіе при насъ, по приказанію шаха, въ продолженіе всего времени нашего пребыванія въ городѣ. Генералъ одарилъ всѣхъ щедро, послѣ чего мы простились съ посланникомъ и тро-

пулись въ обратный путь. Мы должны были ѣхать по старой дорогѣ до Казвина, а оттуда на Решть.

Въ деревнѣ Говзеръ-Сенгъ, гдѣ мы имѣли ночлеги, намъ пришлось ужинать и встрѣчать новый 1864-й годъ въ комнатѣ въ родѣ сарая, которую кое-какъ убрали коврами. За десять минутъ до полуночи, подали шампанское, и ровно въ полночь генералъ Минквицъ поздравилъ всѣхъ, по русскому обычаю, съ новымъ годомъ. Раздалось громкое ура, казаки сдѣлали залпъ изъ ружей, генералъ одарилъ прислугу, какъ свою, такъ и персидскую; во второмъ часу пополуночи всѣ разошлись, но казаки отправились по нашимъ квартирамъ поздравлять съ новымъ годомъ и каждого непременно подымали съ постели и подбрасывали кверху. Почти всѣ жители деревни стояли по крышамъ и съ удивленіемъ смотрѣли, какъ русскіе праздновали встрѣчу новаго года. Нечего прибавлять, что въ эту минуту мысли каждого изъ насъ были на родинѣ, въ кругу родныхъ. Но кто изъ нашихъ близкихъ могъ себѣ вообразить картину встрѣчи новаго года въ плохой персидской деревушкѣ, окруженной стѣною съ четырьмя по угламъ башнями, въ курномъ сараѣ, на крышкахъ котораго нагіе ребятишки, а въ смежномъ сараѣ торчатъ изъ отверстій головы нашихъ мулловъ и слышится звонъ бубенчиковъ?

Не считаю нужнымъ утомлять читателя перечисленіемъ нашихъ переходовъ. Ограничусь бѣглыми замѣтками на возвратномъ пути въ Россію.

2-го января, въ трехъ верстахъ отъ Казвина, насъ встрѣтили: полиціймейстеръ, сынъ визиря, его мирза и другія почетныя лица и всадники, также старшина казвинскихъ купцовъ, въ домѣ котораго намъ назначенъ былъ ночлеги. Это очень богатый купецъ, ведущій обширную торговлю съ Россією, Англіей, Турціей и Индіей: капиталъ его опредѣляютъ до четырехъ милліоновъ тумановъ. Домъ чрезвычайно обширный, въ два этажа, изъ жженаго кирпича, съ большими дворами, на которыхъ пруды и сады. Внутренняя отдѣлка и убранство комнатъ, особенно главныхъ залъ, роскошны. Старикъ встрѣтилъ генерала, какъ стараго знакомаго, у воротъ дома. Въ залѣ былъ накрытъ столъ, уставленный превосходными фруктами и сладостями. Во время обѣда, сыновья хозяина прислуживали, и вообще хозяинъ старался выказать самый

радушный пріемъ и удовольствіе, что видятъ въ своемъ домѣ русскую миссію.

Въ долину, начинающейся за Баавниомъ, мы видѣли рабочихъ, роющихъ колодцы. Они получаютъ по 15 коп. въ день и вдвоемъ оканчиваютъ въ мѣсяцъ отрывку колодезя глубиною въ 44 аршина и 1 аршинъ въ діаметрѣ. Система проведенія воды въ Персіи оригинальна. Обыкновенно забираютъ источникъ, отъ котораго ведутъ подземныя трубы къ желаемому мѣсту. По протяженію прямой линіи, вырываютъ колодцы на разстояніи 12 саж. другъ отъ друга; потомъ соединяютъ одинъ колодезь съ другимъ трубами изъ обожженной глины; для болѣе правильной кладки ихъ, опускаютъ въ два сосѣдніе колодца фонари, которые и служатъ для оріентировки. Каждый такой колодезь обходится девять рублей; слѣдовательно, верста обойдется въ 369 р. Эта система могла бы быть примѣнена для провода воды изъ Арагвы на Авлабаръ въ Тифлисъ и на Караякскую степь.

Дорога съ лѣвой стороны деревни Меэре подымается довольно круто на перевалъ Наризанъ, гдѣ снѣгъ мѣстами былъ уже на аршинъ, такъ что когда мы встрѣтились съ караваномъ, то должны были стоять до тѣхъ поръ, пока онъ не прошелъ весь. На протяженіи трехъ верстъ дорога идетъ по водораздѣльному хребту, называемому подъемомъ Хорзанъ. Этотъ подъемъ высится слишкомъ на четыре тысячи футовъ надъ моремъ и зимой бываетъ опасенъ для путешественниковъ. По причинѣ сильныхъ вѣтровъ и мятелей, рѣдкій годъ обходится безъ того, чтобы не погибло въ этомъ мѣстѣ болѣе ста чело-вѣкъ. Дальше дорога круто поворачиваетъ на западъ и спускается по ущелью къ караванъ-сарая Хорзанъ, подлѣ котораго небольшая деревушка изъ 12 домовъ и почтовая станція. Здѣсь мы имѣли ночлегъ. Жители деревни, до крайности бѣдные, поселены покойнымъ Мотамедъ-Эдовле, лѣтъ тридцать тому назадъ, съ цѣлю охранять караваны и проѣзжающихъ отъ разбоевъ кочующихъ курдовъ-шахсевенцовъ. Шахсвенцы, собираясь малыми партіями, грабятъ караваны и донынѣ: такъ, напримѣръ, въ 1862 году они ограбили и убили до 50 чело-вѣкъ проѣзжающихъ.

7-го января маршрутъ нашъ нѣсколько измѣнился, и мы направились по дорогѣ на Рештъ. Дорога подходит къ соединенію двухъ рѣкъ: Шагъ-Рудъ и Кихылъ-Узень, откуда въ

верстѣ, на р. Шагъ-Рудъ, построенъ превосходный каменный мостъ на семи аркахъ, вышиною до 15 аршинъ, длиною 70 сажень, шириною $1\frac{1}{2}$ сажени. Полотно сверху хорошо выстлано булыжникомъ; по срединѣ же идутъ, въ родѣ рельсовъ, бѣлыя плиты. Постройка отчетлива, прочна и красива. Этотъ мостъ построенъ въ 1858 году муштидомъ хаджи-мулла-Раери, жителемъ Рудбора. Не будучи архитекторомъ, онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени энергическій, употребилъ много времени и труда на постройку моста, несмотря на то, что мостъ два раза уже разрушалось въ половодье. Теперь устой обшиты плитой; опасности при переходѣ нѣтъ: мы прошли благополучно въ самый сильный вѣтеръ, дувшій изъ рудборскаго ущелья. Отъ моста рѣка получаетъ названіе „Сифидъ-Рудъ“ и подъ этимъ именемъ впадаетъ, ниже Решта, въ Каспійское море. Хотя рѣка и глубока, но большія суда (кирджимы) не могутъ ходить по ней, потому что густо разросшійся лѣсъ по берегамъ низовья склоняетъ слишкомъ далеко свои сучья и вѣтви и тѣмъ мѣшаетъ движенію судна.

Въ деревнѣ Сарванъ, раскинутой на большомъ пространствѣ въ лѣсу, бросается въ глаза странная постройка жилищъ. Домъ утвержденъ на сваяхъ или на толстыхъ бревнахъ, положенныхъ на землю такъ, что подъ жильемъ остается свободное мѣсто для стока дождевой воды. Дома безъ оконъ, свѣтъ проходитъ въ двери; крыша крыта соломой и опирается краями на деревянные столбы. Пространство между этими столбами и стѣнами дома образуетъ родъ открытой галереи, гдѣ семья проводитъ дни. Комнаты закопчены дымомъ, а во время жаровъ наполняются безчисленнымъ множествомъ блохъ и мошекъ, и тогда жители переходятъ въ „кетамъ“. Это просто соломенная кровля, которая поставлена на толстые отесанные брусья: туда влѣзаютъ по лѣстницѣ, внизу зажигаютъ соломѣ, и дымъ отгоняетъ мошекъ. Со стороны солнца вѣшаютъ камышевую рогожку или холстъ, чтобы предохранить себя отъ палящихъ лучей; другую занавѣску вѣшаютъ по срединѣ кетама для женской половины. Въ особенномъ домигѣ держатъ и кормятъ шелковичныхъ червей. Эта пристройка похожа на „кетамъ“, но гораздо меньше; полъ поднятъ на нѣсколько футовъ надъ землею и неплотень, чтобы воздухъ могъ проходить свободно снизу. Туда кладутъ вѣтви шелковицы вмѣстѣ съ шелковичными червями, которые превращаются

тамъ въ куколки. Житница (кендуждъ), гдѣ сохраняется немолоченое сарадинское пшено, состоитъ изъ одной огромной кровли наподобіе сахарной головы и поставлена на четырехъ столбахъ. Курятникъ (ране), покрытый соломой, поддерживаемый четырьмя длинными брусьями, для предохраненія куръ отъ шакаловъ. Гилянцы разводятъ превосходныхъ кашкуновъ, которыхъ вывозятъ въ Тегеранъ и въ другіе города Персіи. Жители горнаго Гиляна здоровый и рослый народъ; но здѣсь, на равнинѣ, наоборотъ: малорослы, худы, цвѣтъ лица они имѣютъ желтоватый, потому что отъ болотныхъ испареній свирѣпствуютъ изнурительныя лихорадки. Жители нижняго Гиляна всѣ занимаются шелководствомъ и сѣютъ рисъ, который замѣняетъ имъ хлѣбъ. Кромѣ того здѣсь разводятъ хорошій рогатый скотъ (съ горбомъ на спинѣ). Лошадей совсѣмъ не видно; за то жители отличные пѣшеходы. Костюмъ ихъ: сѣраго сукна куртка и черныя, узкіе книзу шаровары; ноги обернуты сукномъ или рядиной, сверху надѣты кожаные башмаки; на головѣ войлочный колпакъ. Женщины чрезвычайно красивы, ходятъ въ обыкновенномъ персидскомъ нарядѣ и почти съ открытыми лицами. Горные жители Рудборскаго и Рустемъ-Абадскаго округовъ занимаются обработкой маслинъ; но масло, ими приготовляемое, мутно и служитъ только для выдѣлки мыла, продаваемого ими въ Рештѣ. Теперь весь этотъ округъ на откупѣ у г. Макинцова: по условію, жители не имѣютъ права продавать маслинъ никому другому. Господинъ же этотъ теперь ничего не дѣлаетъ и пробивается кое-какъ въ Тегеранѣ, питая надежду, что современемъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, построить заводъ для выдѣлки масла.

Въ шести фарсахъ не доѣзжая Решта, три года тому назадъ, разработана дорога наподобіе шоссе, съ канавами по обѣимъ сторонамъ; середина выложена булыжникомъ, чрезъ канавы и рѣчки построены мосты. Говорятъ, дорога эта стоила 60,000 тумановъ; теперь жители окрестныхъ деревень, вмѣсто податей, обязаны ежегодно поправлять ее и содержать въ исправности. Послѣ трудной дороги, на аршинъ заваленной сѣгомъ, мы имѣли, 9-го января, ночлегъ въ караванъ-сараѣ Базаръ-Шахъ-Агаджи, построенномъ рештскимъ мустафи-мирза-Абдуль-Висгабомъ. Зданіе это, съ черепичной кровлей, имѣетъ до 70 сажень въ длину и 15 въ ширину. Внутри, по обѣ стороны его, расположены лавки, числомъ 60, наполненныя раз-

личными товарами; по срединѣ двора тянется крытый навѣсъ для лошадей и для розничной торговли. Мы прибыли въ самый день базара, который бываетъ по четвергамъ, и въ этотъ день со всѣхъ ближайшихъ деревень собираются сюда жители, для продажи своихъ произведеній и покупки для себя необходимыхъ вещей. Намъ отвели нѣсколько холодныхъ лавокъ. Дворъ заваленъ былъ снѣгомъ; съ крышъ капала вода отъ таявшаго снѣга. Тѣснота, шумъ и крикъ продолжались до тѣхъ поръ, пока не разошелся народъ. На ночь мы развели въ своихъ лавочкахъ мангалы, чтобы сколько-нибудь согрѣться. Старожилы не помнятъ, чтобы выпадало когда-либо такъ много снѣга и чтобы онъ лежалъ такъ долго.

Вечеромъ пріѣхалъ высланный намъ навстрѣчу нашимъ консуломъ въ Рештѣ секретарь консульства, г. Вейнбергъ. На другой день, 10-го января, при вѣздѣ въ городъ, насъ встрѣтили полиціимейстеръ съ чинами полиціи и разныя почетныя лица, а у самой городской таможни нашъ консулъ, г. Павловъ, почетные русскіе подданные купцы и два брата Власто, управляющіе торговымъ домою Ралли. Генералу отвели квартиру во дворцѣ, гдѣ въ большой залѣ ожидалъ, для пріѣтствія, управляющій иностранными дѣлами мирза-Гасанъ-ханъ, съ другими должностными лицами. На улицахъ снѣгъ лежалъ болѣе аршина, и повсюду для сообщенія протоптаны были тропинки.

11-го, въ полдень, посѣтилъ генерала вали Гилана, Калымъ-ханъ, еще при князѣ Воронцовѣ бывший въ Тифлисѣ консуломъ, а потомъ въ С.-Петербургѣ посланникомъ. Затѣмъ прибыли французскій консулъ г. Никола и европейцы, проживающіе въ Рештѣ. Во второмъ часу генералъ Минквицъ отдалъ визитъ вали, нашему консулу и французскому. Обѣдали всѣ у генерала.

12-го посланы были люди прогладывать дорогу до Пире-Базара, на протяженіи семи верстъ. Мѣсяца три тому назадъ, эта дорога была сдѣлана, чтобы провести шахскіе экипажи, купленные въ Россіи; но какъ только провезли экипажи, тотчасъ же нарочно испортили дорогу.

Въ ожиданіи, пока дорогу исправятъ, вали Калымъ-ханъ пригласилъ, 13-го января, генерала со всей свитой на офиціальнѣйшій обѣдъ, къ которому были приглашены также нашъ и французскій консулы, г. Власто и нѣсколько мустафи.

15-го былъ обѣдъ у нашего консула, съ музыкою. Во время чая казаки пѣли пѣсни, а потомъ плясали лезгинку, чрезвычайно заинтересовавшую дамъ, которыя никогда не видали подобной пляски.

Рештѣ, главный городъ всей Гилянской провинціи, построены на возвышенности. На сѣверо-восточной и южной сторонахъ протекають двѣ рѣчки: Сія-Рудборъ и Гергерверъ. Стѣны нѣтъ, но городъ окруженъ густымъ лѣсомъ и садами, отчего почти ни откуда не видѣнъ; вала или рва, равно и воротъ, тоже нѣтъ. Ночью, подъ самыя окна, подходятъ шакалы. Дома построены изъ жженого кирпича, покрыты черепицей и окружены открытыми галереями и балконами; многіе изъ нихъ двухэтажные. Улицы вымощены и нѣкоторыя обсажены деревьями; по срединѣ города большая площадь или лугъ, также обсаженный деревьями, почему и называется „Сабзи-Мейданъ“ (зеленая площадь). Одно неудобство: нѣтъ проточной воды. Хотя по обѣ стороны и протекають двѣ рѣчки, но такъ какъ городъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, то очень трудно провести воду изъ нихъ; потому въ каждомъ домѣ и на улицахъ колодцы, обложенные внутри кирпичемъ. На восточной сторонѣ едва замѣтнъ слѣды бывшаго когда-то водопровода, который сообщался съ рѣкою Рудборъ и, говорятъ, стоилъ огромныхъ издержекъ. Въ Рештѣ много базаровъ, нѣсколько караванъ-сараявъ и двѣ факторіи: одна г. Пьера Т. Ралли и компаніи, другая компанейскій домъ (русскій) г. Бекмана, торгующій желѣзомъ, сталью, мѣдью, посудомъ, самоварами и разною мелочью. Городъ раздѣляется на девять кварталовъ; домовъ до 6,000, жителей до 28,000. Здѣсь чрезвычайно много духовенства, больше чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ городахъ Персіи, и муллы имѣють большое вліяніе на народъ цѣлой провинціи. Фабрикъ нѣтъ, но есть нѣсколько мастеровъ, которые по сукну вышиваютъ разноцвѣтными шелками, какъ-то: ковры, скатерти, занавѣси, покушки, попоны, сѣдла, башлыки, шапочки и проч. Все это выдѣлывается въ видѣ мозаики, шивается изъ мелкихъ кусковъ разноцвѣтнаго сукна и испещрено затѣйливыми арабесками, цвѣтами, гирляндами, листьями. Рисунки болѣе подражаютъ шалевымъ, и, надо сказать, мастера удивительно искусны. Выдѣлываютъ еще шелковыя ткани для архадуковъ, рубахъ, шароваръ, занавѣсей и отчасти платки, краски которыхъ никогда не линяють. Несмотря на близость

моря, рыбы здѣсь мало; на базаракъ видна только вяленая и соленая; свѣжую рыбу, именно лососину, очень рѣдко привозятъ, и то для губернатора или для консуловъ. Климать, особенно лѣтомъ, чрезвычайно нездоровъ: болотныя испаренія и частые дожди порождаютъ злокачественныя лихорадки, такъ что у персіянъ сложилась поговорка: „кто хочетъ умереть, пусть идетъ въ Гилянъ“. Говорятъ, будто рѣдкій житель города можетъ похвалиться тѣмъ, что не болѣлъ лѣтомъ. Врачей-европейцевъ нѣтъ; пять мусульманскихъ лекарей лечатъ посвоему.

18-го, утромъ, дали знать, что Мурадабъ очистился отъ льда и пришли кирджимы. Мы тотчасъ же начали собираться въ путь. Дорога до Пире-Базара проложена была новая по снѣгу, и то только пѣшая. Вали прислалъ слишкомъ сто человѣкъ жителей, которые понесли вьюки на себѣ.

19-го января, въ половинѣ пятого часа утра, собрались мы у генерала. На дворѣ была еще ночь, и мы съ фонарями пошли въ компанейскій домъ г. Бекмана, гдѣ его повѣренный, г. Дербекъ, ожидалъ нашего прихода. Здѣсь мы оставались до половины восьмого и когда разсвѣло, вооружившись палками, тронулись въ путь. Вали послалъ до сорока человѣкъ милиціи для сопровожденія насъ. Обойдя домъ губернатора, дорога вступаетъ въ густой лѣсъ и идетъ извилинами между тутовухъ деревьевъ. Ночью былъ довольно сильный морозъ, и половину дороги мы прошли по снѣгу, глубина котораго превышала аршинъ. Въ лѣсу тянется почти на четыре версты большая прогалина: лѣсъ на этомъ мѣстѣ былъ вырубленъ русскими войсками, когда они занимали Рештъ, и съ тѣхъ поръ жители очищаютъ просѣку и засѣваютъ здѣсь рисъ и сарацинское пшено. Отъ растаявшаго снѣга дорога сдѣлалась столь трудною, что мы поодиночкѣ прошли семь верстъ въ одиннадцати часамъ. Насъ ожидали до пятнадцати одномачтовыхъ лодокъ (кирджимовъ), по четыре и по шести гребцовъ. Пире-Базаръ состоитъ изъ трехъ домиковъ: роғдаръ-хана (тамъ жни), духана и сарая на берегу рѣчки того же названія. Рѣчка имѣетъ до десяти сажень ширины и до пяти футовъ глубины. По укладкѣ вещей на шесть лодокъ, мы размѣстились сами и тронулись далѣе. Рѣка очень извилиста; берега покрыты лѣсомъ; во многихъ мѣстахъ торчатъ изъ воды карчи; надъ рѣкой нависли вѣтви, мѣшавшія плыть. Рудевоѣ, за-

дѣвъ за сучокъ, упалъ въ воду, но вынырнулъ и кое-какъ добрался до лодки, гдѣ, переодѣвшись, сталъ осторожниѣе. Черезъ четыре версты рѣка впадаетъ въ небольшой заливъ Дагений-Пире-Базаръ, поросшій кругомъ камышами. Дальше русло расширяется и выходитъ въ большой заливъ Мурадабъ, имѣющій въ ширину до восьми фарсаховъ. Въ длину отъ устья Пире-Базара до Энзели мы шли на веслахъ три часа и пятнадцать минутъ. Заливъ весь былъ покрытъ льдомъ, и только проходъ около двухъ верстъ шириною былъ чистъ. Говорятъ, что глубина залива посрединѣ отъ четырехъ до семи куладонъ (саженъ). Вода немного солоновата. По берегамъ сидѣли и лѣтали стаи разныхъ птицъ, утки всѣхъ породъ, гуси, лебеди, цапли и пеликаны. По льду бродили четыре кабана. Пролитвъ Энзелийскій не болѣе ста саженъ въ длину и довольно мелкій; съ сѣвера впадаетъ въ него рѣчка и образуетъ съ моремъ небольшой мысъ, на которомъ построенъ городокъ Энзели, съ таможенною пристанью. Въ заливѣ стояло много судовъ, пришедшихъ съ моря. Энзели имѣетъ до 300 домовъ и 2,000 жителей. На морской части мыса построенъ на холмѣ четырехугольный, съ черепичной крышей, домъ, или батарея, съ амбразурами, а немного подальше башня. На правомъ берегу рѣки также батарея, вооруженная, какъ и первая, тремя пушками. Полтораста сарбазовъ составляютъ гарнизонъ города. Жители занимаются выдѣлкой рогожъ и ловлей рыбы, которую солить, вялить и отправляютъ въ Россію. Только третья часть этой рыбы идетъ въ Рештъ и по деревнямъ. Кромѣ того, энзелийцы и пире-базарцы занимаются на кирджимахъ перевозкой товаровъ, и это ихъ монополія.

Генералу Минявицу салютовали 21 выстрѣломъ изъ поставленныхъ на берегу пушекъ, а когда онъ присталъ къ пароходу, то произвели салютъ шестью выстрѣлами. Пароходъ „Дербентъ“ въ сто-шестьдесятъ силъ, уже пятый день стоялъ на рейдѣ. Командиръ, капитанъ 2-го ранга Ефимовъ, принялъ насъ очень радушно и предоставилъ намъ удобное и просторное помѣщеніе. Тотчасъ же стали разводять пары. Съ нами прибылъ сопровождавшій генерала г. Вейнбергъ; потомъ явились нашъ мегмандаръ Али-Ахберъ-ханъ, со всѣмъ своимъ штатомъ, и начальникъ гарнизона въ Энзели. Генералъ награждалъ щедро прислугу, которая была съ нами отъ самаго Тавриза.

Между тѣмъ, стемнѣло, подулъ сѣверный вѣтеръ, и капи-

танъ объявилъ, что лучше поторопиться сняться съ якоря, потому что Энгелійскій рейдъ очень опасенъ для стоянки во время сѣвернаго вѣтра, хотя мы стояли на 15-саженной глубинѣ и въ шести верстахъ отъ берега. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы прибытія г. Понсэ. Въ половинѣ 9-го мы снялись съ якоря. Вѣтеръ свѣжѣлъ и производилъ волненіе; на утро уже была сильная качка, и многихъ съ непривычки укачало. Чтобы не придти ночью въ Баку, мы остановились надвухъ якоряхъ за жосой насупротивъ устья Куры. Качки не было, и мы всѣ отдохнули.

21-го января мы снялись. Всю ночь ревѣлъ нордъ-остъ съ ужасной силой, но утромъ началъ стихать. Въ четыре часа пополудни бросили якорь на бакинскомъ рейдѣ. Вскорѣ прибылъ на пароходъ начальникъ Бакинской станціи, контръ-адмиралъ Перелешинъ, и мы съѣхали на берегъ, гдѣ заранѣе, по распоряженію губернатора, было приготовлено для всѣхъ помѣщеніе въ его домѣ.

22-го генералъ Минквицъ выѣхалъ въ Тифлисъ, а за нимъ и мы всѣ отправились по частямъ.

Въ Тифлисъ вся миссія имѣла честь представляться, 31-го января, Его Императорскому Высочеству Великому Князю на-мѣстнику кавказскому.

И. ОГРАНОВИЧЪ.